

М. ТЭТЧЕР

Автобиография

<Фрагменты>

Приближался 1983 год, и Советы, должно быть, начали понимать, что с их играми в манипулирование и запугивание скоро будет покончено. Европейские правительства не были готовы попасться на удочку Советам с их предложением создать «зону ядерной безопасности» в Европе. В марте президент Рейган объявил об американских планах по Стратегическим оборонным инициативам (СОИ), технологические и финансовые последствия которых для СССР были разрушительными. Затем, в начале сентября, Советы сбили южно-корейский гражданский самолет, и погибло 269 пассажиров¹. На всеобщее обозрение были выставлены не только грубость, но и некомпетентность представителей советского режима, которые даже не удосужились извиниться. Наверное, впервые со времени Второй мировой войны о Советском Союзе, даже в либеральных западных кругах, стали говорить как о государстве ослабленном и стоящем на милитаристских позициях.

Мы вступили в опасный период. Рональд Рейган и я знали, что стратегия, подразумевающая соперничество с Советами по военной мощи на равных и превосходство с ними в борьбе идей, приносит результаты и поэтому должна продолжаться. Но пока нам было нужно, не рискуя без необходимости, выиграть холодную войну.

<...>

Ощущалось, что в скором времени в советском руководстве произойдут важные изменения, Господин Андропов, хотя и не либерал, без сомнения, хотел возродить советскую экономику, которая находилась в гораздо более худшем положении, чем мы в то время осознавали. Для того чтобы это сделать, он хотел сократить бюрократию и улучшить эффективность. Хотя он и унаследовал высшее руководство, которое не мог сразу же сменить, почтенный

средний возраст членов Политбюро давал ему возможность ставить на освободившиеся посты своих единомышленников. В то время уже существовали сомнения по поводу здоровья Андропова. Тем не менее, если бы он прожил хотя бы несколько лет, поколение лидеров вполне могло бы смениться полностью. Двумя основными соискателями на главный пост были Григорий Романов и Михаил Горбачев. Я запросила по обоим всю информацию, которой мы располагали.

Вскоре стало очевидно — как ни привлекательна была идея снова увидеть в Кремле Романова, — что это приведет к неприязности. Романов в качестве Первого секретаря Коммунистической партии в Ленинграде завоевал авторитет эффективного руководителя, а также слыл твердым марксистом, что он, как и многие в его окружении, совмещал с экстравагантным образом жизни. И, признаюсь, когда я прочитала о тех бесценных хрустальных бокалах из Эрмитажа, разбитых на свадьбе его дочери, некоторая доля привлекательности имени потерялась.

То немного, что мы знали о господине Горбачеве, казалось довольно обнадеживающим. Он, безусловно, имел лучшее в Политбюро образование (хотя эту группу людей вряд ли можно было назвать интеллектуалами). Он получил репутацию человека широких взглядов; конечно это, возможно, такой стиль. Он уверенно поднялся по ступенькам партии при Хрущеве, Брежневе и теперь Андропове, чьим протеже он, без сомнения, являлся; но это могло означать конформизм, а не талант. Как бы то ни было, тогда же я услышала положительные отзывы о нем от Пьера Трюдо² из Канады. Я стала обращать особое внимание, когда его имя упоминалось в сообщениях о Советском Союзе. На тот момент, однако, отношения с Советами были такими плохими, что прямой контакт с ними был практически невозможен.

<...>

Всего через несколько дней после моего возвращения из Венгрии умер господин Андропов. Его похороны дали мне возможность познакомиться с человеком, который, к нашему удивлению, появился в качестве нового советского лидера, — господином Константином Черненко. Мы думали, что господин Черненко слишком стар, слишком болен и слишком близко связан с господином Брежневым и его эпохой, чтобы преуспеть как руководитель, и, как показали события, мы были более проницательны, чем его коллеги в Политбюро.

Самолет с нашей делегацией сел в московском аэропорту в 9.30 вечера в понедельник, 13 февраля. Я переночевала в посольстве — величественном здании, смотрящем на Кремль через Москву-реку.

<...>

День похорон выдался ярким, ясным и даже более холодным, чем когда я приехала. На таких мероприятиях приезжим сановным лицам не полагалось сидеть: нам приходилось часами стоять на ногах в специально отгороженных местах. Позже я встретилась с новым сановным лидером для короткого частного разговора. Это была формальная встреча, где в который уже раз обсуждались вопросы разоружения. Она не оставила особого впечатления. Из-за долгих часов стояния я была рада, что Робин Батлер уговорил меня надеть сапоги на меху, а не мои обычные туфли на высоком каблуке. Сапоги были дорогие. Но когда я познакомилась с господином Черненко, мне пришло в голову, что они, наверное, мне скоро опять пригодятся.

Теперь мне нужно было обдумать следующий шаг в моей стратегии по установлению более тесных отношений — на нужных условиях — с Советским Союзом. Было ясно, что необходимо наладить личный контакт с советскими лидерами. Джеффри Хау³ хотел, чтобы мы пригласили с визитом в Великобританию господина Черненко. Я сказала, что время для этого еще не наступило. Сначала нам нужно было побольше узнать о намерениях нового советского лидера. Но я была не против пригласить и других, и приглашения были разосланы нескольким важным советским руководителям, в том числе и господину Горбачеву. Сразу выяснилось, что господин Горбачев действительно очень хотел поехать, как потом оказалось, в свою первую поездку в европейскую капиталистическую страну, и хотел это сделать скоро. К тому времени мы уже больше знали о его происхождении и о происхождении его жены Раисы, которая не в пример женам других ведущих советских политиков часто появлялась на публике, ясно формулировала мысли, была очень образованной и привлекательной женщиной. Я решила, что Горбачевы должны вдвоем приехать в Чекерс, где царит как раз подходящая для такого случая атмосфера загородного дома, благоприятная для хорошего разговора. Я считала эту встречу потенциально очень важной.

Горбачевы приехали на машине из Лондона утром в воскресенье 16 декабря, как раз к обеду. За аперитивом в Большом зале господин Горбачев рассказал, как интересно ему было по дороге в Чекерс увидеть сельскохозяйственные поля. Вот уже несколько лет он отвечал за сельское хозяйство и, как видно, достиг скромных успехов в перестройке колхозов, но из-за недостатков распределения до 30 процентов урожая пропадало.

Раиса Горбачева немного знала английский — насколько я могла судить, ее муж не знал его совсем, — но была одета в западном стиле в хорошо сшитый элегантный серый костюм — я подумала,

что и сама смогла бы такой надеть. Она имела диплом по философии и была настоящим ученым. Наша информация о ней сообщала, что она была твердой марксистской; ее очевидный интерес к книге «Левиафан» Гоббса⁴, которую она взяла с полки в библиотеке, подтверждал это. Но позже я от нее узнала — после того как ушла из правительства, — что ее дед был одним из тех миллионов кулаков, погибших во время насильственной коллективизации в сельском хозяйстве при Сталине. Так что у ее семьи не было причин питать иллюзии по поводу коммунизма.

<...>

Если бы тогда я обращала только на содержание высказываний господина Горбачева, мне пришлось бы сделать заключение, что он скроен по обычной коммунистической выкройке. Но его манера была настолько индивидуальной, что сильно отличала его от похожих на марионеток «деревянных» советских аппаратчиков. Он улыбался, смеялся, жестикулировал в разговоре, говорил с выражением, аргументированно и ловко полемизировал. Он был уверен в себе и, хотя и сдобривал свои высказывания уважительными отзывами о господине Черненко, казалось, он не будет чувствовать себя не в своей тарелке и оказавшись в гуще противоречий высокой политики. Выступая, он никогда не читал по бумажке, только заглядывал в рукописные записи в маленькой тетрадке. Он обращался к коллегам за советом только по вопросам произношения иностранных имен. К концу дня я поняла, что именно стиль, что-то большее, чем марксистская риторика, лежало в основе его личности. Он мне нравился.

<...>

Сразу стали ясны две вещи. Во-первых, как хорошо господин Горбачев был осведомлен о Западе. Он комментировал мои речи, которые, без сомнения, читал. Он процитировал изречение Лорда Пальмерстона⁵ о том, что у Британии нет вечных друзей или врагов, а только вечные интересы. Он внимательно следил за просачивающейся информацией из американской прессы, указывающей на то, что в интересах США было не позволить советской экономике возродиться из застоя.

В какой-то момент театральным жестом он вытащил лист бумаги с диаграммой из «Нью-Йорк Таймс», изображающую силу оружия супердержав в тротиловом эквиваленте, в сравнении с силой оружия, применяемого во Второй мировой войне. Он хорошо владел модными аргументами, с помощью которых в то время яростно доказывались перспективы «ядерной зимы», которая якобы наступит в результате ядерной войны. На меня это не сильно подействовало. Я сказала, что гораздо больше, чем «ядерная зима» меня интересует вопрос, как избежать сожжений, смерти и разру-

пений, которые будут этому препятствовать. Но целью ядерного оружия в любом случае было препятствовать войне, а не вызывать ее. Однако теперь этого нужно добиваться при меньшем количестве вооружений. Господин Горбачев доказывал, что если обе стороны будут наращивать вооружения, это может привести к случайностям или непредвиденным обстоятельствам, а при использовании современного оружия время на принятие решения будет измеряться в минутах. Как он сказал, используя одну из загадочных русских поговорок, «Раз в году и незаряженное ружье стреляет».

Всплыла и мысль о недоверии Советов к администрации Рейгана в целом и особенно к их планам в отношении Стратегической оборонной инициативы. Я подчеркивала много раз, что президенту Рейгану можно доверять, и что меньше всего на свете он хочет войны, и что Соединенные Штаты никогда не выражали желания мирового превосходства.

Когда дискуссия подходила к концу, стало понятно, что Советы на самом деле были очень озабочены по поводу СОИ. Они хотели остановить ее почти любой ценой. Я знала, что в какой-то степени меня использовали как подставное лицо президента Рейгана. Я также понимала, что имела дело с коварным соперником, который беспощадно воспользуется любыми разногласиями между мной и американцами. Поэтому я прямо сказала, что необходимо понимать — не может быть и речи о том, чтобы рассорить нас: мы останемся верными союзниками Соединенных Штатов. Моя откровенность в этом вопросе была равнозначна моей откровенности о том, что я считала президентскую мечту о мире, свободном от ядерного оружия, несбыточной.

Переговоры должны были закончиться в 4.30 дня, чтобы господин Горбачев смог успеть на прием в советском посольстве, но он сказал, что хочет продолжать. Было уже 5.50 вечера, когда он уехал, познаколив меня с другим перлом русской народной мудрости примерно такого содержания: «Горцы не могут жить без гостей, как не могут жить без воздуха. Но если гости не уходят вовремя, они задыхаются». Когда он уезжал, я надеялась, что мне довелось разговаривать со следующим советским лидером. Потому что, как я впоследствии сказала прессе, это был человек, с которым можно иметь дело.

